

ц 10 к

Въ провинціи 12 коп.

САТИРИКОНЪ

1908 еженедѣльное изданіе

№ 11

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:
На 1 годъ ..... 5 р. — к.   На ½ года ..... 2 р. 50 к.
На 3 мѣсяца ..... 1 р. 25 к.

Контора и Редакция САТИРИКОНА, Спб. Невскій, № 9. Телефонъ 241—29.

Рис. А. Юнгера *).

ПРІЯТНЫЙ РАЗГОВОРЪ.

— Вы чего, клопы, приползли?
— Учимся.
— Гм! Что же вамъ развѣ ужъ такъ сильно хочется учиться?
— Какъ не хотѣть!
— Гм! Вы, можетъ быть, и ариѳметику хотите знать?

— Да ужъ чему ваша милость научитъ—всему радъ!
— Гм! Да развѣ ариѳметика лучше ботаники?
— Гдѣ ужъ неученому разбиратъ? Все, чему научите—все хорошо.
— Гм! Да вѣдь васъ начали учить, а вы лигу свободной любви откроете.

(Гоголь. Ссора Ив. Ив. съ Ив. Никиф.).

*) Рисунокъ первой стр. предыдущаго №, не помѣченный по недосмотру,—исполненъ художникомъ А. Юнгеромъ.

ПОСЛАНИЕ ВТОРОЕ.

Хорошо сидѣть подъ черной смородиной,
Дышать, какъ буйволъ, полными легкими,
Наслаждаюсь старой, истрепанной «Родиной»
И слѣдую за тучками легкомысленно-легкими.

Хорошо, объѣдаясь ледяной простоквашею,
Смотрѣть съ веранды глазами порочными,
Какъ дворникъ Пѣтеръ съ кухаркой Агашею
Угощаютъ другъ друга поцѣлуями сочными.

Хорошо бѣть Агашей и дворникомъ Пѣтеромъ,
Безъ драмъ, безъ принциповъ, безъ точекъ зрѣнія,
Начавъ съ конца романъ передъ вечеромъ,
Окончивъ утромъ—гуэтомъ храпѣнія.

Бросаю тарелку, томлюсь и завидую,
Одѣваю шляпу и галстухъ сиреневый
И иду въ курзалъ на свиданіе съ Лидою,
Худосочной курсисткой съ кожей шагреновой.

Навстрѣчу старухи моргашья, злобнѣя,
Волочатъ въ песокъ одѣянья суконнѣя,
Отвратительно-старѣя и отвисло-упробнѣя,
Ползутъ и ползутъ, словно оводы соннѣя.

Гдѣ благородство и мудрость ихъ старости?
Отжившее мясо въ богатой матеріи
Заводитъ сатиру въ ущеліе ярости
И вѣдѣмъ вызываетъ изъ тѣмны суевѣрія...

А рядомъ юнѣя, въ прическахъ на валикахъ,
Въ подгѣлбныхъ локонахъ, съ собачьими лицами,
Невинно шепчутся о мѣстныхъ скандаликахъ
И другъ на друга косятся тигрицами.

Курзалнѣя барышни и женѣ, и матери!
Какъ васъ не трудно смѣшатъ съ проститутками,
Какъ мелко и тинисто въ вашемъ фарватерѣ,
Набитомъ глупостью и предрасудками...

Фальшивитъ музыка. Съ кровавой обидою
Катится солнце за море вечернее.
Встрѣчаюсь сумрачно съ курсисткой Лидою—
И власть унѣя болѣнѣя и безмѣрнѣя...

Опять о Думѣ, о жизни и родинѣ,
Опять о принципахъ и точкахъ зрѣнія...
А я вздыхаю по черной смородинѣ
И полонъ желчи, и полонъ презрѣнія...

Гунгербургъ.

Саша Черный.

САМОБИТНОСТЬ.

Персидскій шахъ улыбнулся и сказалъ окружавшей
его депутаціи муштеидовъ:

— Ага! Вы хотите конституціи? Будь по вашему.

Въ его улыбка было что то такое, что одинъ муштеидъ почесался и потрясъ головой.

— Что тамъ еще?

— Можетъ, ее тово...

— Что „тово“?

— Можетъ, ее по боку?!

— Нѣтъ, голубчики... Сами виноваты! Не нужно было требовать. А теперь я не только даю вамъ конституцію, но и буду свято соблюдать ее. На то я шахъ! Онъ сказалъ только—шахъ, а бѣднымъ муштеидамъ послышалось уже слово мать.

Поморщились и пошли устраивать меджились.

Меджились былъ устроенъ хоть куда. Двери, окна были, потолокъ сверху... а когда напустили туда депутатовъ, то совсѣмъ на парламентъ стало похоже.

Въ народѣ даже ходили темные неопредѣленные слухи, что тамъ о чемъ то говорятъ...

Все было хорошо, пока не дошли эти сплетни до шаха.

— Неужели, говорятъ?

— Представьте!

Шахъ вздохнулъ.

— Ну, что жъ дѣлать! Этакъ они всю мою конституцію въ трубу пустятъ. Что жъ дѣлать, говорю я! Пригласите самыхъ разговорчивыхъ ко мнѣ на задній дворъ.

Стража взяла наручники, колодки и черезъ нѣкоторое время депутаты были приглашены на задній дворъ.

Минуту спустя оттуда донесся крикъ на чистѣйшемъ персидскомъ языкѣ:

— Ай-яй-яй!!

Шахъ возмущался.

— Ишаки какіе то! Имъ даешь конституцію, а они орутъ.

Предсѣдатель меджилиса попросилъ у шаха аудіенціи.

— О, звѣзда Ирана! О, повелитель вселенной! Вѣдь эдакимъ манеромъ ты перепортишь всѣхъ моихъ депутатовъ.

— Отвратительные депутаты!

— Да, но конституціонныя гарантіи...

— Чего ты отъ меня хочешь? Завѣрю тебя, что конституцію я буду поддерживать, и персидскій народъ ее не потеряетъ, а что я этихъ депутатовъ, тово... такъ ты другихъ набрать можешь. Мало народу что ли, въ Персіи!

— Нѣтъ, этого я не могу допустить!

— Что? А ну, ребята...

— Звѣзда Ирана! Повелитель вселенной!!! Пустите, черти, куда вы меня тащите?! Повелитель! Это нарушеніе конституціонныхъ основаній, которое...

— Врешь, собака! Конституцію я свято чту, а изъ тебя я лучины нащепать могу.

Удивительно. Кто только попадалъ на задній дворъ, сейчасъ же легкомысленно забывалъ о конституціонныхъ основаніяхъ и, вмѣсто этого, пытался нарушить тишину и спокойствіе совершенно бездоказательнымъ персидскимъ словомъ:

— Ай-яй-яй!!!

Изъ меджилиса прислали ультиматумъ:

— Ни одна душа не выйдетъ изъ меджилиса, пока не вернешь намъ депутатовъ и предсѣдателя!

— Дурачье не знаетъ, что души не выходятъ, а вылетаютъ,—засмѣялся мудрый шахъ и приказалъ бомбардировать зданіе меджилиса.

Около трехсотъ душъ дѣйствительно вылетѣло.

Когда отъ меджилиса остался только предсѣдательскій звонокъ и порогъ залы засѣданій, шахъ выпустилъ обращеніе къ народу, въ которомъ еще разъ подтверждалъ, что будетъ свято соблюдать конституцію и главнѣйшія ея основанія. Тутъ же шахъ кстати счелъ нуж-

нымъ довести до свѣдѣнія торговцевъ, что всякій, кто не откроетъ съ утра своей лавки, будетъ повѣшенъ.

Нѣкто, видя шаха въ хорошемъ расположеніи духа, осмѣлился обратиться къ нему съ вопросомъ:

— О, Солнце Ирана! О, мудрѣйшій! Объясни мнѣ, что такое конституція?

И ласково улыбувшись, шахъ отвѣчалъ на чистѣйшемъ персидскомъ языкѣ:

— А чортъ ее знаетъ.

Ave.

ОБРАЗЦОВАЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОСТЬ.

— Опять у васъ кворума нѣтъ?

— Заказанъ, ваше превосходительство!

-и-а-о-

Приказомъ Спб. Градоначальника газетчикамъ воспрещено выставленіе на видныхъ мѣстахъ сыскной макулатуры, вродѣ „Похожденій Пинкертонъ“, оказывающей вредное вліяніе на учащихъся.
(Изъ газетъ).

Рис. Баяна.

НАТЪ ПИНКЕРТОНЪ ВЪ ПОДПОЛЬѢ.

М О Д А.

Рис. Миссъ.

Гласъ народа. — Общность то кака я нонѣ помла...
Вмѣсто шляпъ, господа—корзиночки опрокинутыя носимъ
начали.

Ф А Р С Ъ.

(Чемпионатъ борцовъ).

Лебегевъ.

Самъ Ова побѣдоносецъ:
Грудь—кормою броненосецъ,
Спайкъ—фабричный паровикъ,
Зашнурованный въ поддѣвку...
Но зачѣмъ же на головку
Одѣвать чужой ярлыкъ?..

Збѣшко.

Збѣшко—
Громадная шишка,
На плечахъ—тишка,
На рукахъ—двѣ шишки,—
Вотъ и все богатство Збѣшки...

Мурзукъ.

Я пою тебѣ осанну,
Сынъ Туниса, воинъ ражй,
Аполлонъ, принявшій ванну
Изъ голландской сажи...

Нурла.

Геркулесъ, но не со шкурой,
А въ потрепанномъ трико,
Ты пошелъ бы далеко
Со своей мускулатурой,
Если бъ не были такъ робки,
Милый мой,
Полушаря въ коробкѣ
Черепной!..

Красный.

СЛУЧАЙ ВЪ КОНКѢ.

(О младенцахъ).

Я вышелъ изъ дверей лучшаго портного, одѣтый удивительно безукоризненно. Если къ выуженнымъ складкамъ новыхъ брюкъ и великолѣпно сидѣвшему пиджаку прибавить глянцевитый лоскъ новаго котелка, палку съ набалдашникомъ, въ видѣ лошадиной головы, свѣжія перчатки и лакированныя ботинки, то вполне понятно, что, двигаясь въ толпѣ, я считалъ себя лучшимъ украшеніемъ Невского проспекта.

Потомъ, когда мнѣ надоѣло гулять, я замеръ на краю тротуара въ изящной позѣ, опустивъ одну руку въ карманъ новыхъ брюкъ, опираясь на палку и задумчиво устремивъ взоръ вдаль (эту позу заимствовалъ я отъ одной статуи). Неожиданно началъ накрапывать дождь. Когда нѣсколько капель ударили по моему котелку, я рѣшительно дошелъ до угла и сѣлъ въ конку. (Приобрѣтеніе новыхъ перламутровыхъ пуговицъ къ жилету лишило меня всякаго права поѣхать на извозчикѣ). Конечно, я и раньше ѣздилъ въ конкѣ, а однажды даже сидѣлъ на самой верхушкѣ, но все же теперь, въ моемъ новомъ костюмѣ который обновилъ меня всего, это казалось неудобнымъ.

Придавъ своему лицу выраженіе, обозначающее, что я недоумѣваю, какъ могъ попасть сюда, я съ брезгливой улыбкой усѣлся на скамьѣ. Когда кондукторъ подавалъ мнѣ 2 копѣйки сдачи, я слегка отстранилъ его руку. Мое поведеніе казалось мнѣ безукоризненнымъ, и я оглядѣлся кругомъ, провѣряя впечатлѣніе.

Противъ меня сидѣла кака я то баба съ младенцемъ на рукахъ, рядомъ съ ней—двѣ барышни, довольно интересныя, что отчасти примирило меня съ конкой. Моими сосѣдями сбоку были: сонный господинъ и богомольная старушка, крестившаяся на каждый памятникъ. Остальные пассажиры въ полумракѣ сливались въ сѣрую массу. Особенно сильного впечатлѣнія не замѣчалось, и я готовъ былъ уже пожалѣть о потерянныхъ 2 копѣйкахъ, какъ уловилъ игривый взглядъ одной изъ барышень. Я немного покраснѣлъ и занялся тѣмъ, что старался придать себѣ такую позу, при которой съ самой выгодной стороны были бы видны мои брюки, ботинки, перчатки, палка и котелокъ.

Эти мои попытки прервалъ пискъ ребенка. Баба наклонилась къ нему и зашептала успокаивающимъ тономъ:

— Тише, Ванюшка, посмотри-кось въ оконце:—вонъ лошадка бѣжить, а за ней дядя съ кнутикомъ. Лошадка—гоп-гоп, а дядя ее кнутикомъ, кнутикомъ.

Подобный бессмысленный разговоръ продолжался у нихъ довольно долго. Когда предметы внѣшняго міра были перечислены, любящая мать перешла къ внутренности конки: сперва были затронуты фонарь и объявленія, потомъ перья на шляпахъ барышень и зонтикъ въ рукахъ богомольной старушки. Наконецъ, послѣ бороды моего сосѣда, очередь дошла до меня.

— Смотри, Ванюша, палка кака я у барина? Головка лошадиная, серебряная... Тпру, лошадка, но, лошадка!

Младенецъ радостно выпучилъ глаза. Возмущенный до глубины души, я спряталъ набалдашникъ въ рукавъ.

Баба оглядѣла меня и остановила свой взглядъ на моихъ ботинкахъ.

— А сапожки какіе, Ванюша, блестящіе и со скрипомъ, словно у дяди Еремы. Дядя Ерема помажетъ сапожки ваксой, а они—скрип-скрипъ, дядя Ерема идетъ, а сапожки—скрип-скрипъ.

Я негодуяще подобрать ноги подъ скамейку.

Такимъ образомъ были перебраны всѣ части моего туалета.

Я не спорю, онѣ всѣ были оцѣнены по заслугамъ, но меня все это страшно шокировало. Я краснѣлъ, какъ пюнь, потому что проклятая баба называла такія части костюма, которыя я, при всемъ желаніи, не могъ спрятать ни въ рукавъ, ни подъ скамейку. Къ тому же мнѣ казалось, что я сталъ центромъ вниманія всего вагона: барышни явно хихикали и даже сонный господинъ раза два усмѣхнулся.

Но чаша переполнилась, когда баба, на меня глядя, сказала:

— Засмѣйся, Ванюша, барину: ты ему засмѣешься—и онъ тебѣ тоже!

Дѣвица расхохоталась.

Я вскочилъ, почти выпалъ изъ вагона—и проливной дождь навсегда потушилъ блескъ моего новаго костюма.

Н. Р—вичъ.

НА УЛИЦѢ.

— Что это за крикъ былъ? Случилось что нибудь?
— Нѣтъ, человекъ сейчасъ трамваемъ перерѣзало.
— Фу, ты, а я думалъ—что!
Зѣвая, расходятся.

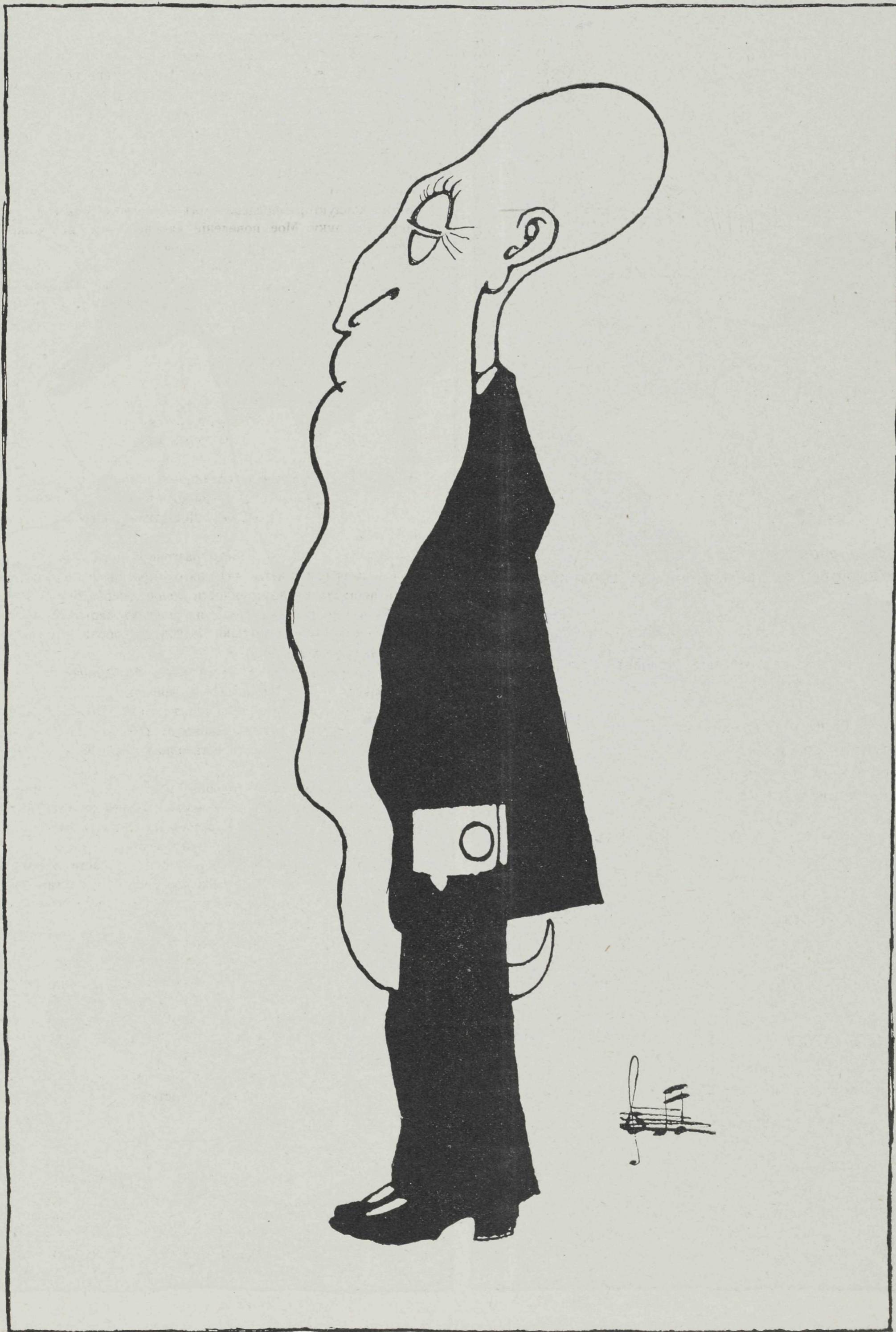
С. О'Нейлъ.

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ПОСЛѢДНІЕ МОГИКАНЕ.

Х. ПЕТРЪ ИСАЕВИЧЪ ВЕЙНБЕРГЪ.

Шаржъ Ре—Ми.

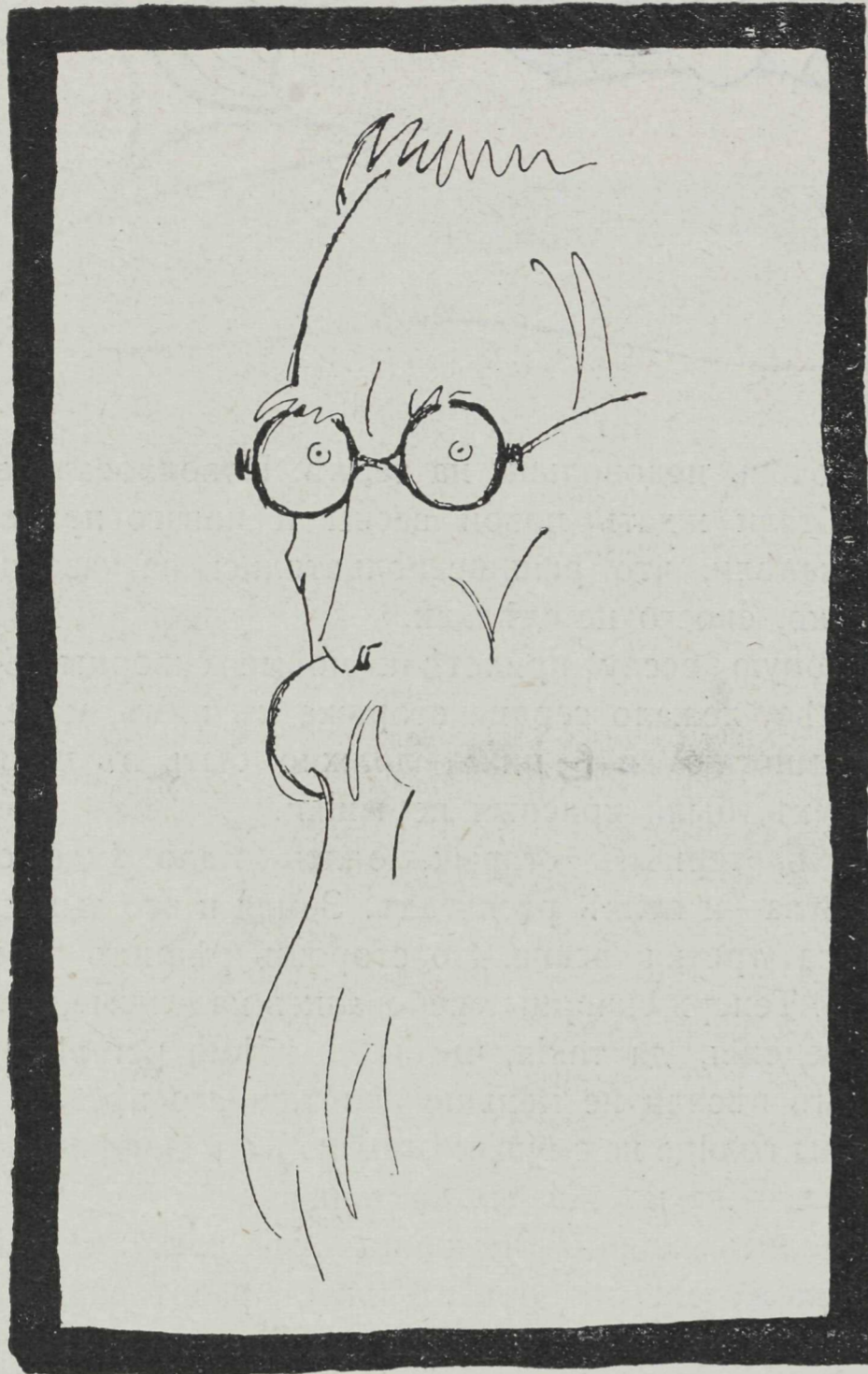
Гейне, но изъ Тамбова, писатель, но статскій совѣтникъ, вегетарианецъ, но въ юморъ собаку съѣлъ.

— Может ли слабая женщина удержатъ на плечахъ глобусъ науки, которъй и легендарному Атласу не подѣ силу...

РИМСКИЙ-КОРСАКОВЪ УМЕРЪ.

Кроки Ре—Ми.

Мы дружески улыбались ему при жизни незлобивымъ шаржемъ или шутливой остротой, втайнѣ гордясь имъ.

А теперь стоимъ передъ свѣжей еще могилой и непривычно грустно чувствуемъ себя, потому что старикъ умеръ.

Но, умирая, оставилъ онъ наслѣдство великое—свои пѣсни. Ни разстратить намъ его, ни потерять. Умные и глупые, насильники и обиженные, богатые и бѣдные—долго будутъ грѣться подъ лучами солнца стараго дѣда съ серебряной бородой, который теперь вотъ взялъ, да и умеръ.

ЛИБЕРАЛЪ У ЗЕРКАЛА.

(Изъ ненапис. пѣсень Беранже).

— Долой прогнившій, затхлый мракъ!
Лишь новыя порядки,
При коихъ счастливыя будутъ всякъ...
Не мѣ, не мѣ... молчи, дуракъ!—
Не мѣ даешь перчатки!..

— Мы, господа, имѣемъ честь
Обыть центромъ возрожденья!
Корабль народный къ солнцу вестъ...
(Иванъ, цилиндръ!)—тумъ, право, естъ
И честь, и наслажденье!

— На этомъ кончу я. Итакъ,
Ура!—да кануть въ Лету
Прогнившій строй, прогнившій мракъ!..
Пальмо!.. не мо!—молчи, дуракъ!—
Вели податъ карету!

Перев. В. Ки.

АНГЛИЙСКИЙ ЮМОРЪ.

Джемсъ Уайльдъ.

ПРАКТИЧНЫЙ МАЛЫШЪ.

(Въ школѣ на урокъ ариѳметики).

Учитель.—Если бы на столѣ лежало три персика и твоя маленькая сестра съѣла бы одинъ изъ нихъ, сколько осталось?

Малышъ.—Сколько маленькихъ сестеръ останется?

Учитель.—Слушай, Джони. Если бы на столѣ лежало три персика и твоя маленькая сестра съѣла бы одинъ,—сколько персиковъ осталось?

Малышъ.—У насъ въ домѣ не только трехъ, но даже и одного персика не было въ нынѣшнемъ году.

Учитель.—Мы только предполагаемъ, Джони, что персики лежали на столѣ.

Малышъ.—Въ такомъ случаѣ, это не свѣжіе персики?

Учитель.—Нѣтъ.

Малышъ.—Значитъ, консервированные?

Учитель.—Конечно, нѣтъ.

Малышъ.—И не пикули?

Учитель.—Нѣтъ, нѣтъ! Никакихъ персиковъ нѣтъ, какъ я уже тебѣ сказалъ: мы только предполагаемъ, что они лежатъ на столѣ.

Малышъ.—Въ такомъ случаѣ ихъ на столѣ, конечно, быть не можетъ.

Учитель.—Джони, положи въ карманъ ножикъ, или я отберу его. Слушай внимательно, что я тебѣ говорю. Мы предполагаемъ, что три персика лежали на столѣ...

Малышъ.—Да.

Учитель.—Твоя маленькая сестра съѣла одинъ и убѣжала...

Малышъ.—Она не убѣжитъ, пока не съѣстъ всѣ три. Вы не знаете моей маленькой сестры.

Учитель.—Ну, предположимъ, что твоя мама была въ комнатѣ и позволила ей съѣсть одинъ персикъ.

Малышъ.—Матери дома нѣтъ; она прѣдетъ на будущей недѣлѣ.

Учитель (строго).—Джони, я еще разъ задамъ тебѣ этотъ вопросъ и если ты точно не отвѣтишь, я оставлю тебя въ школѣ послѣ уроковъ. Если на столѣ лежали три персика, а твоя маленькая сестра съѣла одинъ,—сколько осталось?

Малышъ.—Ни одного не останется. Остальные я съѣмъ.

Учитель (схватываетъ звонокъ).—Ученики могутъ идти домой. Джони Уайтъ остается въ классѣ,—онъ наказанъ.

БЛЕСТЯЩЕ ЭКЗАМЕНЫ.

Молодой человѣкъ, отправившійся въ университетъ держать экзамены, торжественно провалился. Онъ отправилъ въ имѣніе своимъ родителямъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшимъ извѣстій, телеграмму слѣдующаго содержания:

„Экзамены прошли великолепно. Профессора въ восторгѣ. Они требуютъ повторенія“.

ОНЪ ИМѢЛЪ ПРИЧИНУ.

Квартира молодоженовъ.

Мужъ.—Что ты улыбаешься, дорогая моя?

Жена.—Я вспомнила, какъ ты обыкновенно сидѣлъ и держалъ меня за руки, когда былъ женихомъ. Какъ ты глупъ былъ тогда!

Мужъ.—Я совсѣмъ не былъ глупъ. Я держалъ тебя за руки съ цѣлью отвлечь тебя отъ игры на роялѣ.

Перев. Ф. Коптяева.

ВЪ КАЗАРМѢ.

Фельдфебель.—Итакъ, отнынѣ вводятся у насъ въ казармѣ зубныя щетки. Но вотъ, что я вамъ скажу, ироды: чтобы никто изъ васъ не бралъ ихъ для чистки сапогъ.

МОДНАЯ БОЛѢЗНЬ.

— При послѣдней моей поѣздкѣ на велосипедѣ, я остановился у аптеки, чтобы купить себѣ средство противъ бронхита. Лишь только я вышелъ опять на улицу, его уже не стало.

— Чего, бронхита?

— Нѣтъ, велосипеда.

Перев. Блюма

ТРЕТЬЯ ВЕСНА.

Наступили красненькіе деньки: повѣяло тепломъ, свѣтлыми и долгими катились часы, весеннимъ настоємъ потянуло въ воздухъ, и каждый вечеръ уходящее солнце зажигало небо и осыпало пригрѣтую, обрадованную землю красными лучами.

Общее оживленіе проявилось бурно и порывисто. Ждали новыхъ пѣсенъ, ждали новыхъ пѣвцовъ—такъ надоѣли осторожныя, сытыя вороны и скромныя синицы, и воробьи, и инья, уже вполнѣ домашнія птицы; захотѣлось новаго, громкаго, смѣлаго, ликующаго пѣнья. Уже зазвенѣли новыя пѣсни то тамъ, то здѣсь; то согласнымъ хоромъ, то порознь. Но хотѣлось еще большаго. Надежды, какъ небывалые миражи, окружили саму жизнь.

И тогда на длинномъ шестѣ, на солнечномъ пригоркѣ, вознесли скворешникъ съ косо-привязанной вѣточкой березы.

Пѣли и радовались, и махали шляпами въ честь еще пустого скворешника, и такъ велико было общее желанье, что самъ заматерѣлый въ службѣ сторожъ отдалъ подъ него плохонькій сундучекъ и самъ подымалъ шестъ, помогая ему укрѣпиться въ жадной всасывающей землѣ.

Но былъ онъ старый, съ коричневыми морщинами, полуглухой и выживающій отъ старости, зналъ свои порядки и выгоды, да мертвую хватку, и хитро подымая поврежденную бровь, думалъ:

— Хоша бы на дубинки шестъ-то—и то лучше, чѣмъ эти выдумки. Одно безпокойство съ ними.

Стали ждать и посматривать: вотъ-вотъ прилетятъ скворцы. И каждый вечеръ, когда горѣло небо и влажно дымилась и алѣла земля, черная дырка скворешника казалась загадочнымъ глазомъ, обращеннымъ къ жизни и еще не зрячимъ и спокойнымъ.

Прилетѣли они цѣлой стаей. Снова пѣніемъ, криками заколыхался воздухъ, пронизанный краснымъ тепломъ. Только сторожъ хмуро копался въ своей будкѣ, пересматривая старый хламъ.

Круглый день въ скворешникѣ стояли голоса и крики, слышались гордые рѣчи, и на землѣ все съ большей надеждою посматривали на него.

Случилось такъ, что сторожъ, выбивая однажды вредную краску изъ какихъ-то газетъ, отошелъ къ сторонѣ и, оглянувшись на скворешникъ, взвылъ отъ страха. Заходящее солнце протянуло красные лучи и распущенныя перышки скворцовъ налило краснымъ свѣтомъ воспламененнаго трута.

Сторожъ охнулъ, показалось старому, что огненные скворцы заронятъ пожаръ на землѣ, а первымъ дѣломъ, сожгутъ казенныя постройки подъ скворешникомъ. Ночи пересталъ спать съ той поры.—Одно безпокойство—глубоко изрыло мысль старый мозгъ.

Однажды его страхъ достигъ такого размѣра, что подбѣжалъ старый къ шесту и, дубинкой стуча по немъ, распугалъ всѣхъ скворцовъ.

Были очень недовольны на землѣ. Поволновались и утихли. Стали ждать новой весны и новаго прилета. Только жалѣли, что раньше польстились на казенный сундучишко, своего не сдѣлали.

На вторую весну прилетѣли новые скворцы. Еще безпокойнѣ лежало сердце сторожа къ нимъ, и недаромъ, у многихъ изъ нихъ, должно быть въ память прогнанныхъ, были красныя перышки.

Терпѣлъ, терпѣлъ старый, опять стало худо отъ безпокойства—и этихъ распугалъ. Земля и это вынесла.

Пришла третья весна. Но сторожъ рѣшилъ своего не терять. Теперь скворцы требовались надежныя, хорошаго поведенія, да такія, чтобы со всѣми регалиями и капиталомъ вѣсили не меньше положеннаго вѣса.

А чтобы солнце не смущало, облицевали скворешникъ на востокъ, а не на западъ, какъ раньше.

И собрались скворцы. Были они важны, разсудительны, законноположительны, почтительны, работоспособны. Только малая крупца изъ нихъ походила на прежнихъ, да и та тонула среди взлохмаченныхъ, черныхъ, какъ сажа, скворцовъ.

Вотъ тутъ-то отдохнулъ и сторожъ; знай, подремываетъ и въ колотушку постукиваетъ. Говорятъ, что и шестъ подгнивать сталъ, потому что казенный, и какаютля его точить. Да и земля стала плохо держать; кабы не заморскія подпорки, такъ, можетъ быть, и со всѣмъ бы упалъ.

А новые скворцы обжились вполнѣ и чувствуютъ себя хозяевами. Но только въ скворешникѣ,—не больше.

ТРОГАТЕЛЬНОЕ ВОСПОМИНАНІЕ.

(Въ строго выдержанномъ стилѣ модернъ).

Оля, помнишь-ли лѣто на дачѣ,
 Наши игры, нашъ юный загорбъ?..
 Помнишь, въ полдень, несносно горячій,
 Побѣжали съ тобой мы на дворъ?
 Въ грязной лужицѣ селезенъ крикалъ,
 На нашестѣ горланилъ пѣтухъ.
 Помнишь, я еще чумъ не заплакалъ
 Отъ докучнаго жаленья мухъ?
 Ты-жъ смѣялась безпечно и звонко,
 Приводя меня, бѣднаго, въ ражъ,
 И за это тебѣ лягушенка
 Я засунулъ, озлясь, за корсажъ.—
 Не простишь ты вѣгъ мнѣ этой шутки!..
 Кстати, помнишь-ли ты, какъ въ тотъ часъ
 Презабавно и громко въ желудкѣ
 У обоихъ бурчало у насъ?

Жанъ Сансуи.

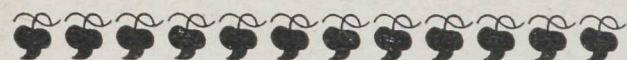
Т Ю Р Ь М А .

Рис. Б. Аннефельда.

Разлучили съ близкими, веселыми
И везутъ дорогами печальными...
Вѣтеръ надъ сѣрой пучиной пляшетъ
И земля уходящая машетъ
Камнями голыми,
Какъ платками прощальными...

Подъ редакціей Н. Г. Шебуева

Готовится къ печати

АЛЬМАНАХЪ

„ВЪНОКЪ“

и приглашаются сотрудники на слѣдующихъ условіяхъ:

Каждый авторъ, помѣстившій въ альманахъ свое произведеніе, становится соиздателемъ его пропорціонально числу занятыхъ имъ страницъ. Каждый авторъ-соиздатель оплачиваетъ печать и бумагу, занятую его произведеніемъ и дѣлается участникомъ въ доходахъ изданія. Въ альманахъ принимаются проза, стихотворенія, ноты, рисунки. Рукописи адресуются: Невскій, 114, редакція „Весны“ Николаю Георгіевичу Шебуеву. На отвѣтъ прилагается марка. Личныя объясненія съ редакторомъ и секретаремъ альманаха, по понедѣльникамъ и четвергамъ, отъ 3 до 4 часовъ дня.

АЛЬМАНАХЪ

ВЕСНА

вышелъ и продается въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

Цѣна 1 рубль.

Складъ изданія: Невскій, 114.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

НОВОЕ 4-ое ИЗДАНИЕ

„Руководство къ изученію кройки и обработки мужского платья“.

Цѣна книги 2 рубля.

Главный складъ: С.-Петербургъ, Фонтанка, 101.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛЬ

Новѣйшія моды мужскихъ платьевъ.

Единственный въ Россіи модный мужской журналъ съ описаніемъ на русскомъ языкѣ, парижскими модными картинками, чертежами выкроекъ и вырѣзными выкройками. Журналъ выходитъ ежемѣсячно.

Годовая цѣна съ доставкой и пересылкою 8 руб.

Съ требованіями обращаться въ С.-Петербургъ, Фонтанка, 101.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ ГРАДОНАЧАЛЬНИКОВЪ

въ городѣ Глуховѣ, отъ вышняго начальства поставленныхъ.

Роскошное изданіе.

Цѣна съ пересылкою 3 рубля.

Продается въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, Вольфа, Риккера и др.

Главный Складъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., 9.

НАСТОЛЬНЫЙ ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ АЛЬБОМЪ

„ОТЪ МРАКА КЪ СВѢТУ“

Очеркъ русской исторіи отъ Гостомысла (юмористическая поэма гр. А. К. Толстого продолженная до нашихъ дней) въ иллюстраціяхъ художн. Порфирьева и др.

Изданіе Э. М. Корнфельдъ.

Цѣна съ пересылкою 2 руб.

Продается въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, Вольфа, Риккера и др.

Главный складъ С.-Петербургъ, Невскій пр., 9.

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОРЪ.

Luftballon.

Рис. Gestwicki.

Le Rire.

Рис. Brunellechi.

— Кто эта дама съ пышными волосами?
 — Это писательница. Она написала три больших романа...
 — А этот бледный исхудавший парень?
 — А онъ ихъ пережилъ съ писательницей.

НОВАЯ ПРИСЛУГА.

— Имѣйте въ виду, голубушка, что служба у меня очень трудная...
 — О, сударыня! въ деревнѣ мнѣ приходилось ухаживать за восемью коровами!

Lustige Blätter.

Рис. Gestwicki.

Fliegende Blätter.

Рис. Gratz.

ВѢСКИЕ АРГУМЕНТЫ.

1-й (проснувшись). — Боже мой! Что это такое?!
 2-й. — А это мы вчера, засыпая послѣ пивной, хотѣли доказать другъ другу преимущества позитивной философи!

ПЛАТЬЯ СЪ РАЗРѢЗАМИ.

— Чортъ возми! Вотъ платья, которыя не спугиваютъ женскихъ движеній, но совершенно запугаютъ мужчинъ.

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА.

Въ ломбардѣ вошелъ онѣ—и смутился,
И головою онѣ поникѣ.
„Морозной пылью серебрился
Его бобровый воротникъ“.
Онѣ шубу снялъ безѣ колебанья
И погалѣ—и позналъ душой
„Неясный трепетъ ожиданья,
Страхъ неизвестности нѣмой“.
Оцѣнщикѣ шубу зоркимѣ окомѣ
Окинулѣ... Молвилѣ:—Не того!
„Но на чель его высокомѣ
Не отразилось ничего“...
— Пятнадцатѣ!—онѣ сказалѣ...—Ужасно!
Пятнадцатѣ?...—Но оцѣнщикѣ рекѣ:
— „О, ты, что въ горести напрасно
Въ ломбардѣ ропщешь, человекѣ!“
— Напрасно?... Нѣтъ! Недаромѣ трубятъ,
Что грабимѣ вашѣ ломбардѣ народѣ!
„Онѣ тотѣ, кого никто не любитѣ
И все живущее клянетѣ!“
— А гдѣ вамѣ болѣе предложатѣ?
Останѣтесь!...—Нѣтъ! уйду скорѣй!
„Кто жилѣ и мыслилѣ, тотѣ не можетѣ
Въ души не презирать людей!“..

Донатю.

ДУРАКЪ.

Раку приходится сталкиваться съ человѣческимъ характеромъ только тогда, когда его бросаютъ въ кипятокъ. И онѣ краснѣетъ... краснѣетъ за людей.

Теперь, когда я смотрю на его худую нескладную фигуру, блѣдно-желтые усы и жалкую улыбку человѣка, ожидающаго неизвѣстно откуда пинка, мнѣ хочется и смѣяться, и плакать, прижавши къ своей груди эту пустую вздохмаченную голову, такую смѣшную.

Когда я впервые вводилъ его въ нашу компанію, всѣ были уже предупреждены.

- Познакомьтесь.
- Графѣ Калиостро,—гордо представился одинѣ.
- Баронѣ Мюльгаузенѣ!
- Виконтѣ Подходцевѣ.

Дуракѣ смотрѣлъ на всѣхъ восторженно недоумѣвающими глазами и былѣ, очевидно, сильно польщенѣ пребываніемѣ въ такой титулованной компаніи.

— Повѣрьте, господа...—началѣ онѣ, не зная куда дѣтъ завернутую въ бумагу сотню живыхъ раковъ и ноты, которыя онѣ держалѣ въ рукахъ.

Я освободилъ его отъ свертковъ и пригласилѣ сѣсть.

Опредѣленнаго плана мы не имѣли, но „виконтѣ“ Подходцевѣ нашелся:

- Что это у васѣ въ бумагѣ?
- Раки. Иду это я и думаю—дай куплю раковъ!

Такѣ и купилѣ.

- Можно посмотрѣть?

Подходцевѣ сдѣлалѣ въ сверткѣ отверстие и вынулѣ одного рака.

— Здорово сдѣланѣ!—похвалилѣ онѣ, держа рака двумя пальцами передѣ лампой.

Дуракѣ растерялся.

— Какѣ... сдѣланѣ? Да онѣ, представьте, живой!

Подходцевѣ обидчиво усмѣхнулся.

— Шутить изволите-сѣ?! Не ребенокѣ же я, чтобы не отличить живого рака отъ механическаго. По моему, это нюрнбергская работа...

Дуракѣ нагнулся и снизу заглянулѣ въ глаза говорившему, желая отыскать въ нихъ тѣнь улыбки.

Однако, тотѣ былѣ невозмутимѣ, сохраняя въ лицѣ выраженіе угнетенной невинности.

— Неужели вы... серьезно?—сконфуженно пробормоталѣ Дуракѣ.

— Я серьезенѣ, но серьезны ли вы, сударѣ!—вскричалѣ Подходцевѣ, багровѣя.—Окончивши два сѣ половиной факультета, я дурачить себя не позволю! Вѣдь всѣмѣ извѣстно, что настоящіе раки бываютѣ красные!

Тяжелая, неповоротливая мысль Дурака усмотрѣла гдѣ-то вдали проблескѣ выхода изъ этого страннаго, нелѣпаго положенія.

— Нѣтъ, насколько я знаю, раки бываютѣ черные!

— Вы слышите, господа!—сѣ обидчивымѣ удивленіемѣ обратился къ намѣ Подходцевѣ.—Сей мужѣ имѣетѣ смѣлость увѣрять, что раки бываютѣ черные! Зачѣмѣ же тогда говорятѣ: покраснѣлъ, какѣ ракѣ!..

— Вареный!—тоскливо перебилѣ гость.

— Нѣтъ-сѣ, извините! Ежели какой-либо предметѣ хотятѣ сравнить сѣ другимѣ, общеизвѣстнымѣ, то берутѣ для этого его видѣ или, въ данномѣ случаѣ, цвѣтъ не случайный и рѣдко встрѣчающійся, а тотѣ, въ которомѣ предметѣ чаще всего можно наблюдать въ природѣ. Напримѣръ, если говорятѣ: „онѣ прыгнулѣ, какѣ тигрѣ“,—то это не значить, что онѣ прыгнулѣ, какѣ жареный тигрѣ!

И выпаливъ эту галиматью, Подходцевѣ гордо оглядѣлъ компанію.

Мы давились отъ хохота, избѣгая отчаяннаго взгляда Дурака, который озирался, ища хотя въ комѣ-нибудь поддержки.

Наконецѣ, онѣ взялъ злополучнаго рака двумя пальцами и сказалѣ боязливо—торжествующе:

— Глядите, онѣ движется! Ей Богу, это живой ракѣ!

— А вы зачѣмѣ же пальцами на брюшко надавливаете?! Ясно, что внутри пружина! Знаемѣ мы эти штуки.

Мы громко поддержали Подходцева, выражая негодование на то, что насѣ хотятѣ одурачить какимѣ то механическимѣ ракомѣ, какѣ малыхъ ребятѣ.

— Такѣ сломаемѣ его и я вамѣ докажу!—въ приливѣ вдохновенія рѣшилѣ Дуракѣ.

— Зачѣмѣ же вещи портить?—нашелся Подходцевѣ.—Вѣдь она рубля полтора стоитѣ.

Въ порывѣ безысходнаго отчаянія, Дуракѣ отвелѣ меня въ сторону и тихо спросилѣ:

— Послушайте... Неужели они это серьезно?

— Безѣ сомнѣнія! Объясните мнѣ,—участливо прошепталѣ я,—гдѣ вы ихъ раздобыли? Не подшутилѣ ли кто надѣ вами?

Онѣ посмотрѣлъ на меня долгимѣ взглядомѣ.

Никогда послѣ этого мнѣ не случалось встрѣчать человѣка, который былѣ бы болѣе увѣренѣ въ своей правотѣ и менѣе всего могѣ бы доказать ее.

Что за тяжелый, кашмарный мозгѣ лежалѣ подѣ этой толстой мозговой коробкой...

Дуракѣ молча взялъ изъ рукъ Подходцева рака и, положивѣ обратно въ бумагу, отошелѣ къ окну.

Лица его, обращеннаго къ темнымѣ заплаканнымѣ отъ дождя стекламѣ, я не видѣлъ, но согнутая спина и руки, которыми онѣ усиленно терѣ виски, давали такое впечатлѣніе напряженнаго раздумья и тоски, что я, желая развеселить его, превратился въ любезнаго хозяина и повлекѣ всю компанію къ столу.

За ужиномъ разговоръ принялъ мрачный, зловѣщій оттѣнокъ. Присутствіе Дурака вдохновляло самыхъ неразговорчивыхъ.

— Скажите, графъ,—неожиданно обратился Подходцевъ къ одному юношѣ,—въ какомъ положеніе ваше дѣло о кражѣ пальто изъ передней клуба?

Графъ ухмыльнулся.

— Придется сидѣть, чортъ ихъ дери. Изъ-за какого то пальто, а? И вѣдь, представьте, почти совсѣмъ удраля—около Биржи нагнали.

Толстый Клинковъ обратился къ удивленному Дураку и благодушно сказалъ:

— Ненавижу я эту мелкую работу... Ну, что такое пальто? Каждое дѣло должно быть цементировано кровью. Помнишь, виконтъ, какъ мы тогда эту старуху ловко ухлопали. Одними бумажками девять тысячъ, не считая золота!

Дуракъ, съ расширенными до послѣднихъ предѣловъ глазами, сидѣлъ безъ одинаго звука, и кусокъ ветчины, который онъ держалъ на вилкѣ, такъ и застылъ въ воздухѣ.

— Конечно,—пожалъ плечами Подходцевъ,—но въ каждомъ такомъ дѣлѣ нужна логика. Что можетъ быть глупѣе, напримѣръ, случая, съ барономъ, когда онъ, чтобы сократить въ пріемной доктора очередь, отравилъ воду, которую пили больные, пришедшіе раньше его? Или когда онъ поджогъ дѣтскій пріютъ, чтобы ему, пьяному, при освѣщеніи было легче найти номеръ своего дома. Все это не забавно и бесполезно.

Дуракъ сидѣлъ, поблѣднѣвши, какъ мертвецъ, и тщетно пробовалъ разжевать пробку отъ горчичницы, которую кто-то потихоньку вдѣлъ ему на вилку, вмѣсто колбасы. Крупные капли пота блестя на его лбу, и весь онъ напоминалъ большую кошку, которую шутники окунули въ воду.

Опомнился Дуракъ только тогда, когда всѣ, вставая, задвигали стульями. Съ трудомъ ворочая своимъ суконнымъ языкомъ, онъ поблагодарилъ меня за гостепримство, но выразилъ твердое желаніе отправиться домой.

— И не думайте!—радушно воскликнулъ я.—Мы еще выпьемъ кофе, поболтаемъ... Не правда ли, многимъ есть, что рассказать? Жаль, нѣтъ сейчасъ самаго интереснаго—сидитъ въ централкѣ за маленькое убійство...

Но Дуракъ былъ уже въ пальто, обнявши руками своихъ раковъ и громадный свертокъ нотъ.

Когда онъ прощался со всѣми, угрюмо смотря куда то въ сторону, Подходцевъ не утерпѣлъ и разсыпался передъ нимъ въ извиненіяхъ.

— Вы знаете, я относительно рака то ошибся... я, вообразите, полагалъ, что онъ нюрнбергской работы, а ужъ послѣ разглядѣлъ на клешнѣ фабричную марку: „И. Павловъ. Тула“. Кустарная работа, оказывается.

Дуракъ молча вышелъ и мы, отъ нечего дѣлать, стали слѣдить за нимъ въ окно.

Смѣшная, нелѣпая фигура, перешла пустынную улицу и торопливо приблизилась къ фонарю.

Дуракъ раскрылъ зонтикъ, сложилъ подъ него ноты, порылся въ сверткѣ раковъ и, вынувъ одного изъ нихъ, близко поднесъ его къ фонарю.

Лицо нашего гостя выражало напряженное любопытство и нетерпѣніе. Фонарь подмигивалъ и, качая пламенемъ, подсмѣивался надъ Дуракомъ, который внимательно осмотрѣлъ рака и, оторвавши хвостъ, сталь, по одному, отламывать клешни и лапы.

И лицо его все болѣе прояснялось.

Когда отъ всего рака осталась только спинка, онъ отбросилъ ее отъ себя, бодро выпрямился, покачалъ кому то укоризненно головой, забралъ свои свертки и — сплошная сѣтка дождя быстро затушевала его фигуру.

Дождь ли былъ тому причиной, но скука охватила всю компанію. Мы быстро пожали другъ другу руки и разошлись, каждый въ свою сторону. Одинъ я, выйдя изъ дому, пошелъ безъ всякой цѣли.

На спинѣ ощущалось холодное прикосновеніе дождевыхъ капель, какъ чьихъ то равнодушныхъ слезъ.

Дождь ли былъ тому причиной, но мнѣ была противна и слякоть, рыдавшая подъ досками стараго деревяннаго тротуара, и мракъ, и противнѣе всего былъ мнѣ я самъ.

Аркадій Аверченко.

Рис. Сергѣя Грузенберга.

САМАЯ СТРАШНАЯ ИСТОРИЯ.

О, ихъ любовь была сильна!
Безъ пошлой лжи, безъ свѣтской фальши,
Онъ былъ те-эс'омъ, а она
Была красивой генеральшей...
Ея красой замороженъ
Онъ позабылъ про циркуляръ
И все, что г'блалъ, г'блалъ онъ
Для милой Клары, милой Клары.
Дабы не зналъ въ любви препонъ
И бытъ однимъ у генеральши,
Сумѣлъ ея супругу онъ
Командировку дать погальше.
Прегб генераломъ препеталъ
Всякъ, кто былъ дерзокъ и крамоленъ...
И былъ доволенъ генералъ,
И былъ те-эсъ весьма доволенъ.
Сегодня, кончивши пріемъ
И сг'блавъ всѣ распоряженья,
Онъ ѣдетъ къ ней—она писмомъ
Ему прислала приглашенье.
Въ каретѣ мягкой, по торцамъ,
Слегка качаясь на рессорахъ,
Онъ ѣдетъ, преданный мечтамъ
О чудныхъ ручкахъ, нѣжныхъ взорахъ...
Онъ предвкушаетъ ароматъ
Ея духовъ, куря сигару,
Онъ точно мальчижъ, счастливъ, радъ,
А кучеръ гонитъ, гонитъ пару...
Но кто тамъ, бл'бный, на углу
Стоитъ, прижавшись къ сѣрой стѣнкѣ?
Те-эсъ припалъ лицомъ къ стеклу—
Дрожатъ, дрожатъ его колѣнки.
Ахъ, нѣтъ сомнѣнья! Смертъ близка!
Прощай на вѣки Клара, Клара,
Занесена уже рука
Для безопаднаго удара!
Те-эсъ отпрянулъ въ уголокъ—
Онъ видитъ смертъ, онъ видитъ муку...
А томъ въ карманъ засунулъ руку
И вынулъ... носовой платокъ.

Потемкинъ.

ПОСЛѢДНЕЕ СРЕДСТВО.

„А подъ конецъ, господа присяжные засѣдатели, позволю себѣ напомнить вамъ извѣстное изрѣченіе: не причиняй ближнему того, что тебѣ самому непріятно... Или вамъ пріятно сидѣть годами въ тюрьмѣ?“

ЖЕСТОКІЙ.

Дубровинѣ съ тощею сумой
Стоялъ, просящій подаянъя,
На «Знамя Русское», съ молѣбой,
И для себя—на пропитанье...

* * *

Конѣйку тольکو онѣ просилъ,
И взорѣ являлъ живую муку...
Тумѣ Пуришкевичѣ проходилъ
И... плюнулъ доктору на руку...

* * *

Такѣ иногда кадетѣ иной,
Отѣ оптимизма весь неистовѣ,
Побѣды ждемъ... А за спиной
Давно стоимѣ суровый приставѣ...

У нѣкогого г. Лермонтова позаимствовалъ
Арк. Б—въ.

НЕ ВЫДЕРЖАЛЪ.

Защитникъ на судѣ. — Прошу также обратить внимание на смягчающее вину обстоятельство: мой клиентъ укралъ лишь весьма незначительную сумму, тогда какъ въ томъ же ящикѣ лежалъ портфель, полный ассигнаціями.

Подсудимый громко всхлипываетъ.

Предсѣдатель. — Чего же вы плачете?

Обвиняемый. — Я... не замѣтилъ... портфеля...

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ „САТИРИКОНА“.

Присланныя въ редакцію рукописи не возвращаются (даже при условіи присылки марки на отвѣтъ).

А. Петербургъ.

23. *М. Охта.—Дуди—ву.* — Вы сообщаете, что можете написать рассказъ еще лучше, чѣмъ присланный. Это не штука. А вы попробуйте еще хуже написать.

24. *Владимирск. просп.—О. Л—зону.* — Рукописи пишутся на одной сторонѣ листа, Меншиковъ питается жидами, а ваши стихи нечаянно упали въ корзину.

25. *Невскій—000.—К. Д.* — Если вы попробуете написать на бумагѣ „свобода печати“, то у васъ и получится „чрезвычайная охрана“. Это еще Авксентій Поприщинъ открылъ.

26. *Загородн.—Поэту.* — Никому не читайте вашихъ стиховъ вслухъ. Народъ озорной сталъ: побьютъ.

27. *Въ пространство.—Х. Х.* — Вы бы еще въ пробирную папку обратились за такими справками. Лѣчитесь.

28. *Въ простр.—Антиноеву.* — Получили вашъ „громадный“ присылъ. Топливо упало въ цѣнѣ.

29. *Коломенская.—Оршеру.* — Конечно. Порядочныя люди такъ не поступаютъ.

Б. Провинція.

30. *Тифлисъ.—Д. Я—нцу.* — Слабо. Безумно растянато. Будете въ Тегеранѣ—скажите отъ насъ шаху, что онѣ не хорошо ведетъ себя.

31. *Одесса, Ришельевск.—Зету.* — Вы угрожаете, въ случаѣ, если мы не напечатаемъ стиховъ, прекратить присылы. Ради Бога! Не губите насъ.

32. *Ст. Михайлово.—Телеграфисткѣ.* —

И безумно лобызать его готова

И сжимать въ объятіяхъ безъ слова.

Ужъ какія слова тутъ! Стихи не пойдутъ, какъ возбуждающіе одну часть населенія, противъ другой.

33. *Лодзь—Ш—вичу.* — „Волосы на лбу шевелиться“ не могутъ, хотя бы вы прочли герою ваше произведеніе. Это вы надуваете читателя. Бездытникъ!

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель М. Г. Корнфельдъ.

Еженедѣльный Литературно-Художественный журналъ сатиры и юмора

САТИРИКОН'

Въ журналѣ принимаютъ постоянное участіе:

Художники: Б. Анисфельдъ, Л. Бакстъ, И. Билибинъ, Н. Герардовъ, Олафъ Гульбрансонъ (Мюнхенъ), М. Добужинскій, Б. Кустодіевъ, Е. Лансере, Дм. Митрохинъ, А. П. Остроумова-Лебедева, А. Радаковъ, Н. Ремизовъ О. Шарлемань, (Ре-ми), А. Юнгерь (Баянъ), А. Яковлевъ и др.

Писатели: А. Аверченко (Ave), Вл. Азовъ, И. М. Василевскій, Л. М. Василевскій, Б. Вилли, К. Антиповъ (Зарницынъ), Яковъ Годинъ, Сергѣй Городецкій (Сатиръ), А. Измайловъ, М. Кузминъ, А. Кугель (Ното Новус), С. Маршакъ, О. Л. Д. Оръ, Потемкинъ, А. Радаковъ, Саша Черный (А. Гликбергъ), Александръ Рославлевъ, Скиталецъ (Яковлевъ), графъ Алексѣй Толстой, Тэффи, Н. Шебуевъ, Умановъ-Каплуновскій, Н. И. Фалѣевъ (Чужь-Чуженинъ), А. Яблоновскій и др.

Размѣръ журнала отъ 16 страницъ большаго формата in folio. Журналъ печатается въ нѣсколькихъ краскахъ.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ «САТИРИКОНА» (С.-Петербургъ, Невскій просп., № 9) и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ—5 руб., на 1/2 года—2 р. 50 к., на 3 мѣс. 1 р. 25 к.

Цѣна отдѣльнаго № 10 коп. Въ провинціи 12 коп.

Адресъ Главной Конторы и Редакціи: С.-Петербургъ, Невскій пр. 9.

ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІИ: 40 коп. за строку нонпареля въ 1/4 стр.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель М. Г. Корнфельдъ.

— Драсшибу!!
— О, великій владѣка Ирана! Опустн саблю. Она, какъ громоотводъ, опасна въ рукахъ твоихъ, потому что острѣ можетъ притянуть молнію изъ тучъ!!